

Глава 3 – Призрак

Предупреждение автора: «Обязательно прочитайте «Камми Кетту» до главы 8 включительно, прежде чем читать это, если вы хотите избежать спойлеров касаясь основной истории.

* (от переводчика) смотрите в списке моих переводов, Камми Кетту переведена полностью

С тех пор как я потерял сознание и очнулся в этом месте, прошло много времени и почти ничего не произошло.

Дни начали расплываться, и я знаю, что этим термином злоупотребляют, но поверьте мне, даже Темное зрение не помогает следить за временем, когда вы находитесь в темной камере под землей. Если бы не рутина, я бы сошел с ума и, скорее всего, никогда не спал. Не то чтобы я хорошо спал, с тех пор как я изменился и стал этим монстром, каждый раз, когда я закрывал глаза, возвращалась беспомощность ночи.

Насколько я мог судить, я был здесь по меньшей мере неделю с тех пор, как проснулся. А может, и дольше, насколько я знаю. Каждое "утро" короткий импульс пронзительного звука будил меня, его цепь замирала прежде, чем я успевал открыть глаза.

Затем я стряхивал с себя остатки тонкого одеяла той ночи, мои шипы разорвали его в клочья во время моего беспокойного сна. После подсчета примерно трехсот Миссисипи* в стену клетки встроена древняя система кухонного лифта с отверстием, меньшим, чем телефонная книга, чтобы опустить еду ко мне.

* Типа для того, что бы не сойти с ума в темноте и тишине считают: раз Миссисипи, два Миссисипи и т.д.

Вернув пустой поднос в кухонный лифт, я насчитал около шестисот Миссисипи, чтобы сходить

в туалет, принять холодный душ в камере и переодеться в синий мешковатый тюремный комбинезон.

Я чувствовал, что схема внутренней связи камеры оживает за мгновение до того, как она издаст хоть один звук, и тогда начинался мой допрос. Охранники были слишком напуганы, чтобы находиться на одном этаже с таким монстром, как я, не говоря уже о том, чтобы находиться в одной комнате.

Я обычно терял счет времени в этот момент, было трудно вести счет, не отвечая на одни и те же вопросы снова и снова. В конце концов они сдадутся, и я останусь один, скучая, должно быть, несколько часов, пока не подадут ужин и свежее одеяло. После того, как я снова возвращал свой поднос, я пытался заснуть.

Я остался вариться в своем несчастье, не имея ничего, что можно было бы сделать, и, честно говоря, мне было безумно скучно. В моей камере не было ни книг, ни телевизора, ни даже резинового мяча для прыжков, ничего, что могло бы меня развлечь. Если бы я не собирался биться головой о стену для развлечения, то, вероятно, был бы впечатлен тем, как долго они будут препятствовать тому, чтобы у меня было что-то, что могло бы помочь мне сбежать.

Это включало свет, электричество и отопление. Мое затмение напугало их, черт возьми, напугало и меня. Я не хотел повторять это, я не хотел причинять людям боль или чувствовать эту всепоглощающую пустоту.

Вот почему у меня был целый ночной темный пол для себя, и единственная схема, которую они оставили, была полоса аварийного света вдоль коридора снаружи с чрезвычайно низким напряжением, но с достаточным количеством света, чтобы быть видимым, но не освещать ничего. И никаких камер.

В своей скуке я исследовал каждый дюйм своей камеры, и я думаю, я мог бы быть благодарен, что она не была слишком маленькой в 7 шагах от двери к задней стены камеры и еще семь шагов в поперечнике.

Кухонный лифт и его маленькое отверстие находились в задней части камеры, рядом с металлическим столом и стулом. В стене прямо над столом был установлен ужасный домофон, а в противоположном углу-душ, туалет и раковина без занавесок. Прикрученная на болты рама и тонкий матрас моей кровати лежали у той же стены, что и письменный стол, к счастью, как можно дальше от туалета без крышки.

Я знал, что этот подземный этаж был довольно большим, судя по эху моего голоса, и я был уверен, что там должны быть другие камеры, но они были пусты. Единственными звуками здесь были я, интерком и редкий писк крысы. Они были не очень общительны.

В моих попытках заполнить свое время здесь, я узнал, что каменные стены сделаны для отличной акустики и, как душ, там она была очаровательна. В ту ночь, когда я переоделся, я заметил, что мой новый голос был очень чистым и певучим, и мне это понравилось. Начав сначала с упражнений в одной гамме, а затем перейдя к разным песням, для которых я мог вспомнить слова, я начал петь.

Сначала я начал поодиночке просто держать себя в здравом уме в этой ошеломляющей изоляции, но как будто мне действительно нравился мой новый голос и пение действительно росло во мне. Мне нравилось слушать ноты, до которых мог дотянуться мой голос, и вскоре у меня закончились песни, для которых я знал тексты, и я начал создавать свои собственные.

Я уверен, что это стало еще одной причиной для охранников, чтобы избежать этого этажа, и они, вероятно, говорили о жуткой девушке, поющей в темноте. Да, это я. Но в любом случае, вернемся к моей утренней рутине.

Я снова сосчитал до шестисот Миссисипи, пока принимал душ и одевался, дойдя до двухсот семидесяти двух, когда я потягивал свой комбинезон, и интерком ожил. – «Призрак, и снова вопрос, я надеюсь, что ты наконец поймешь все и начнешь сотрудничать» - ответил искаженный голос моего допрашивающего.

С тех пор как я впервые очнулся в этом месте, они называли меня призраком, не имея никаких средств опознать меня без моего содействия, и я неохотно должен был признать, что это мне подходит.

- Призрак, вы обвиняетесь в соучастии в убийстве нескольких гражданских лиц и полицейского, а также в нападении на нескольких лиц, включая еще двух офицеров, с использованием ваших способностей. Свидетели опознают вас на месте преступления и утверждают, что вы знали главного подозреваемого Якоба Адлера по имени. Если вы не будете сотрудничать и не ответите на наши вопросы, кто знает, что может случиться, может быть, кто-то забудет о вас, забудет отправить вам еду...

Голос позволил угрозе повиснуть в воздухе, ожидая моего ответа. Я сомневался, что они пойдут на это, но также я был изолирован в темной камере, не были прочитаны мои права, мой телефонный звонок или встреча с адвокатом, поэтому я решил не испытывать свою удачу.

Я глубоко вздохнул и задумался, с чего бы начать. - «Я не помощник Якоба», - горячо возразил я.

- И я не был соучастником. Ты думаешь, я помогал ему? Я пытался остановить его после того, как он убил того офицера. Я знал его имя, потому что мои приемные родители-его клиенты, он торгует оружием и наркотиками в моем районе.

- То, что вы сказали, совпадает с тем, что у нас есть в его рапорте. Кажется, вы его знаете, но я сомневаюсь, что ваша история правдива. Но ... знаешь что, как насчет того, чтобы ты назвал мне свое имя, и я на самом деле пойду посмотрю на обоснованность твоей истории и посмотрим, сможем ли мы снять эти обвинения в соучастии, - интерком искажил его хорошую попытку полицейского, но я был готов подыграть, я действительно не видел никакого вреда в том, чтобы дать ему мое имя.

- Меня зовут Джон Доу Смит, мне семнадцать лет, и я из Гервуда, - едва я закончил говорить, как вмешался мой собеседник.

- Джон Доу Смит? Думаешь, это смешно, да? Или что я куплюсь на такое явно фальшивое имя? Если ты не собираешься сотрудничать, то можешь остаться там, внизу, в темноте на вечно, где тебе и место, чертов жуткий монстр.

Интерком и его цепь отключились, и я снова оказался в темноте.

Глупо! Глупо, глупо, глупо ... мы оба глупы. Арргххххх!

Я и забыл, как нелепо мое государственное имя. Конечно, это звучит как фальшивое имя, но этот придурок даже без сомнений не дал мне никакого гребаного шанса объясниться. Черт!

Я ударился головой о холодный стальной стол и сделал глубокий вдох, за которым последовал еще один и еще, пока я не почувствовал, что гнев остыл.

...Он все еще может проверить, а если нет, так ли это плохо?

- Во первых, если посмотреть на имя Призрак, ты всегда ненавидите это имя по многим причинам, которые ты не можешь сосчитать, призрак-едва ли худшее имя, и это означает, что ты можешь сделать его чисто прорывом. Полный разрыв с Джоном Доу Смитом, с Андерсонами, с Адлером и всеми прочими дерьмовыми вещами из твоего прошлого - рассуждал я сам с собой.

Отбросив эту тему, прежде чем я поймал себя на том, что заиклился на ней, я сделал глоток из крана раковины и приготовился к новому раунду пения.

Тишина моей камеры не была прервана тем, что я начал петь, но вместо этого раздался звук удара, плача и крика из того места, где должен быть пол клетки надо мной. Внимательно прислушиваясь, я мог различить голос девушки, но больше ничего не мог о ней сказать.

Случайные слова пробивали бетонный потолок, и она, казалось, повторялась, так что со временем я начал складывать воедино то, что она говорила.

- Выпустите меня! ...не принадлежу ... ре! я хочу... мама! Она... ... взглянуть... я! - Я чувствовал, что становлюсь все более взволнованным и озабоченным. Мне хотелось утешить ее, но я не мог, и впервые с тех пор, как меня сюда поместили, я почувствовал себя в ловушке.

В какой-то степени я был доволен тем, что сижу здесь, в безопасности от внешнего мира, кроме скуки, у меня было все необходимое, чтобы выжить здесь. Но сейчас? И вот теперь, впервые с тех пор, как меня поместили сюда, мне захотелось сделать что-то за пределами бетонных стен.

Вернулось это инстинктивное чувство, которое я ощутил той ночью, когда я изменился, и я не был уверен, почему, но я знал, что должен позволить себе делать то, что оно хочет. Почувствовав, чего оно хочет, я позволил себе поднять руку и указал ладонью на угол каменного потолка. Кто-то взвизгнул, когда шар тьмы вылетел из моей руки, и волна усталости захлестнула меня.

Крошечные кусочки бетона дождем сыпались на мой стол, создавая маленькие щелчки, которые раздавались, когда они приземлялись на металлическую поверхность. Девушка замолчала. Шар тьмы пробил в углу потолка маленькую дырочку размером с мой кулак. Я обнаружил, что ступаю на стул и забираюсь на стол. Я посмотрел вверх через дыру, и молодая девушка уставилась на меня.

Девушка, должно быть, была где-то в середине подросткового возраста, и ее волосы были черными, окрашенными, если ее темные корни говорили правду. Она носила остатки того, что выглядело как альтернативный макияж, разрушенные остатки темно-зеленой помады и дымчатой подводки для глаз все еще были видны. У девушки были карие глаза, но они были налиты кровью и опухли от слез.

Я понял, что смотрю на нее, и почувствовал, как мои щеки запылали. Неловко...

- Извините за дыру... меня зовут Призрак, я хотел поговорить с вами... вы хотели поговорить? - Я искренне молился, чтобы мое появление не испугало ее. Она провела рукавом комбинезона по глазам и всхлипнула.

- Мне нужны мои родители... Я хочу Калию ... я скучаю по ним... я не знаю, почему я здесь... - На ее лице появилось выражение ужаса.

- Они дрались! Я умерла... я умерла! В морг! Я проснулась... они забрали меня!

Девушка явно была расстроена, и то, что она говорила, было невероятно, но не больше, чем то, через что я прошел. Она умерла? Черт возьми, у нее на самом деле может быть хуже, чем у меня, и это о чем-то говорит.

- Похоже, тебе нужен друг. Они называют меня призраком, можно я возьму тебя за руку? - Я изо всех сил попытался утешить ее улыбкой и увидел, как она подавила рыдание и кивнула.

- Меня зовут Келли... Келли Ньюхолл...

Я потянулся и осторожно просунул руку в отверстие, медленно шевеля ею, чтобы шип моего предплечья не зацепился за камень. Когда моя рука вошла в ее камеру, она схватила ее и большим пальцем успокаивающе погладила тыльную сторону ладони.

Объятия были невозможны, и у меня не было большого опыта общения с ними, но я попытался передать свои чувства. Думаю, они до нее добрались.

Мы молча держали это рукопожатие так долго, как я мог стоять, прежде чем мы, наконец, отпустили. Затем я сел на свой стол и уставился на нее через дыру, где она лежала, глядя на меня в темноте.

Мы проговорили несколько часов. О моих родителях, о том, как меня выгнали из дома, и обо всем, что случилось с тех пор, и она рассказала мне о своем доме, о своей семье, о детях, с которыми она общалась, о своем появлении и о своей подруге Калии.

В конце концов я услышал, как кухонный лифт опускает мою вечернюю еду, и предупредил ее, чтобы она спрятала дыру, прежде чем охранник, приносящий ей еду, заметит это. Прежде чем накрыть ее запасным комбинезоном, Келли одарила меня первой красивой улыбкой, которую я увидел на ее лице, и прошептала одно слово.

Благодарю.

<http://tl.rulate.ru/book/31913/698806>